



Исторические науки

УДК 93/94. 930.85

Е.А. Ялозина

Ялозина Елена Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Ленинградский проспект, 49), e-mail: EAYalozina@fa.ru

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ XVII В.

Статья посвящена ведущим тенденциям развития системы образования в России на этапе ее перехода к раннебуржуазным отношениям в XVII в. Показаны государственно-политические, социально-экономические предпосылки, условия распространения светского научного знания и его интеграция с достижениями западных стран, стоявших на пороге промышленного переворота. Подчеркивается особенность формирования российской системы элементарного и начального образования, ее противостояние с традиционной церковной школьной моделью.

Ключевые слова: Смутное время, Новое время, приказы, грамотность, церковные школы, светские школы, элементарное и начальное образование.

Е.А. Yalozina

Yalozina Elena Alekseevna, the candidate of historical sciences, associate professor Departmenta of the economic theory of the Financial university at the

Government Russian Federation (49, Leningradsky Avenue, Moscow), e-mail:
EAYalozina@fa.ru

TRADITIONS AND NOVATIONS IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN EDUCATION OF THE XVII CENTURY

The article is devoted to the leading tendencies of educational development in Russia at the stage of transition to the early bourgeois relations in the 17th century. State and political, social and economic background, distribution terms of secular scientific knowledge and its integration with achievements of the western countries, which stood on the verge of an industrial revolution, are shown. Feature of forming of the Russian system of elementary and primary education, its opposition with traditional church school model is emphasized.

Key words: Time of Troubles, Modern times, orders, literacy, church schools, secular schools, elementary and primary education.

XVII век завершает период Средневековья и определяет тенденции Нового времени в истории Российского государства. На этом историческом этапе формируются предпосылки и условия перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму. Изменения в политическом устройстве сопровождаются упорядочиванием прежних общественно-экономических отношений и развитием их новых форм. Это было время, когда, по образному выражению современников, «старина и новизна перемешались» [5, с. 259].

Процесс централизации российской власти, начавшийся после Смутного времени, потребовал активного развития государственных учреждений всех административно-территориальных уровней (московские приказы, приказные избы в городах, волостной приказной аппарат) и организации в

них письменного делопроизводства. Развитие в новый «романовский» период XVII в. городской жизни, внутренней и внешней торговли, мануфактур, связей с зарубежными государствами, освоение и присоединение новых территорий вызывало дальнейшую потребность расширения делопроизводства и подготовки грамотных людей для службы в государственных учреждениях и выполнения распорядительных и исполнительных функций [3].

Расширение собственной территории России, связи с другими странами – все это способствовало накоплению и распространению географических, экономических знаний. Со второй четверти XVII в. в Разрядном приказе, в соответствии с его задачами по организации управления присоединенными территориями, шла работа по составлению карты «Большой чертеж» и приложения к ней – «Книги к Большому чертежу»; было подготовлено «Описание новые земли, сиречь Сибирского царства». Землепроходцы, осваивавшие Сибирь, присылали в приказ свои описания и карты (чертежи) новых земель края. Русским картографом и историком С.У. Ремезовым была составлена карта с описаниями «Чертежная книга Сибири».

Характерной особенностью социально-экономической политики второй половины XVII в. было постепенное стирание различий между вотчиной и поместьем. Этот процесс сопровождался формированием системы землевладения через унификацию права передачи земли по наследству, оформление сделок по ее обмену, продаже, назначению в качестве приданного. Практическим осуществлением реформ занимался Поместный приказ и его структуры на местах. Наведение порядка в поземельных делах, составление сошных писем, частных межеваний – все это стало основой кадастровых работ и будущего генерального межевания российского государства. Однако этот сложный процесс нередко приостанавливался из-за сгоревших документов во время случавшихся пожаров, нехватки грамотных специалистов земельного дела и знания письменно-математических основ хозяйственной отчетности в вотчинах.

По данным исследователей, в XVII в. среди российских помещиков было 65% грамотных, среди крестьян – 15% [5, с. 265]. Эти средние подсчеты, безусловно, не отражают динамики грамотности на протяжении века. Вероятно, что хозяйства испытывали острую нехватку хороших работников. Так, стольник А.И. Безобразов, недовольный уровнем грамотности своего приказчика, ругал его: «...а пишешь ты тарабарским языком, здесь и прочесть не умеют» [5, с. 272].

К концу века в московских приказах работало 178 дьяков и 1450 подьячих. Грамотными были земские и церковные дьячки, ответственные за ведение текущего местного делопроизводства. В городах были востребованы услуги «площадных подьячих», которые за плату составляли для простого народа челобитные и иные документы. В Москве последней четверти XVII в. около 24% населения было грамотным. Их число постепенно прирастало и в среде посадских людей, стрельцов, пушкарей, казаков, что наглядно продемонстрировали «прелестные письма» Степана Разина [7, с. 15–16].

Решению проблемы организованного расширения процесса обучения грамоте и письму способствовало распространение рукописной и печатной литературы. Начало книгопечатания приходится на царствование Ивана IV Грозного. Книгопечатание устраивало не только светскую власть, но и церковь: способ размножения единообразных книг позволял ей упрочить целостность правил священных песнопений. Церковные священники – образованные люди того времени, осознавали пользу типографского станка, позволяющего увеличить число и улучшить качество выпускаемой духовной и методической литературы.

Рост числа печатных изданий светских учебных пособий заметно улучшал условия обучения грамоте. Печатавшиеся в Москве дешевые, по 1 копейке, буквари пользовались широким спросом. Изданные в 1651 г. 2400 экземпляров Букваря («Азбуки») патриаршего дьякона Василия Бурцева были распроданы за один день. Во второй половине XVII в. Печатный двор выпустил более 300 тысяч букварей, около 150 тысяч учебных «Псалтырей»

и «Часословов». В 1648 г. была напечатана «Грамматика» М. Смотрицкого, а в 1682 г. – таблица умножения. Монах Иннокентий Гизель составил «Синопс», изданный в 1674 г. в типографии Киево-Печерской лавры, который стал, по существу, первым учебником истории. Незадолго до этого, в 1672 г. в Москве открылась первая книжная лавка, куда стекались толпы грамотных и просто любопытствующих людей.

Подготовка грамотных работников в различных областях государственной, хозяйственной жизни как насущное требование времени сопровождалась оживлением и активизацией элементарного и начального школьного обучения, которое опиралось на прочные и устойчивые формы, охраняемые церковью. Сохранявшееся традиционное обучение грамоте детей и подростков у духовных лиц, подьячих или дома у родителей вызывало оживленные споры об изменении организации обучения и распространения грамотности. В Москве первой четверти XVII в. обосновывалось немало выходцев из украинских и белорусских земель. Среди них были образованные люди, которые обучали латинскому и польскому языкам, необходимым для государственной службы иностранных дел. В 1621 г. в Немецкой слободе в Москве была открыта школа, в которой изучались латинский и немецкий языки.

В 1640-х гг. один из видных правительственных деятелей боярин Ф.М. Ртищев пригласил из Киева около 30 ученых монахов для организации школ в Андреевском монастыре. Молодые дворяне и сам Ф. Ртищев стали обучаться греческому и латинскому языкам, риторике, философии.

Во второй половине XVII в. шел активный процесс организации светских частных школ, на свои средства открывали школы и священники. В 1665 г. начала работать школа в Заиконоспасском монастыре, во главе которой стал Симеон Полоцкий. Здесь обучали русской грамматике и латинскому языку. Спустя два года, открылся «гимнасион» (приходская школа) при церкви Иоанна Богослова в Китай-городе. В 1680 г. иеромонах Тимофей при поддержке государя основал школу при Печатном дворе, в

которой обучалось 232 ученика. Спустя пять лет, выпускники этой школы – А. Барсов, Н. Семенов-Головин, Ф. Поликарпов, Ф. Аггеев, И. Афанасьев – продолжили обучение в Богоявленском монастыре у греков – братьев Иоанникия и Софрония Лихудов. Их совместная образовательная деятельность в итоге подготовила основание в 1687 г. Славяно-греко-латинского училища (академии). Эта высшая богословская школа во главе с братьями И. и С. Лихудами ставила своей целью широкое доступное образование. Славяно-греко-латинская академия была создана для людей «всякого чина, сана и возраста» и предназначалась для подготовки высшего духовенства и чиновников государственной службы. Здесь проходили весь школьный курс от низших до высших классов, начиная с грамматики и заканчивая философией, этикой, богословием. В свое время эту Академию закончили М.В. Ломоносов и А.Д. Кантемир [2].

Развитие ремесленного производства и торговли, рост связей с зарубежными странами создали предпосылки для дальнейшего накопления знаний и их трансляции в школе. У молодого поколения появился интерес к научной литературе западноевропейского Возрождения, носившей прикладной практический характер, с ее рационалистическим подходом к объяснению явлений природы. По мере роста элементарной и начальной грамотности в России все большее распространение получала светская литература, к русским людям активнее проникали переводные иностранные сочинения. На русский язык был переведен труд ученого эпохи Возрождения А. Везалия «О строении человеческого тела». Атлас Блеу и книга астронома Гевелия «Селенография» познакомила русских читателей с гелиоцентрической системой Коперника. В светских школах XVII в. ученики решали задачи по математике, которые выдвигались практикой описания земель, торговой деятельности, военного дела. Пользуясь методическими указаниями «Книги сошного письма» (вышла в 1628–1629 гг.), с помощью арифметических действий они практиковались в извлечении кубического и квадратного

корня, решали уравнения с несколькими неизвестными, вычисляли площади [5, с. 273].

Практическое развитие знаний продвигалось активней, чем их теоретическая сторона. В определенной мере это объяснялось настороженной, порой враждебной, позицией церкви к новым образовательным тенденциям, которая, в свою очередь, активно распространяла догматическую литературу и отстаивала принципы богословско-мистического истолкования явлений природы и жизни. Представители церкви в проповедях и поучениях заявляли, к примеру: «...всяк любящий геометрию ... богомерзостен» или «...кто по латыни учился, тот с прямого пути совратился». В школьных прописях, по которым дети учились читать, есть такие поучения: «Не ищи, человеце, мудрости, ищи кротости», «Не тот мудр, кто много грамоте умнее, а тот мудр, кто много добра творит». Церковь учила как следует отвечать на вопрос о знании философии: «Ты ж ему противно того отвечай: учился по буквам, еллинскиз (греческих) же борзостей не текох, риторских астрономов не читах, ни с мудрыми философы в беседе не бывах, учуся книгам благодатного закона, аще бо можно моя грешная душа очистити от грех» [4, с. 5]. По существу, средневековое невежество консервировалось, возводилось в достоинство и противопоставлялось рациональному знанию, которое церковь объявляла греховным и несовместимым с приверженностью христианству.

Средневековая церковь как общественно-политический институт, следуя каноническим принципам религиозной культуры образования, исторически выполняла важные функции по распространению грамотности и воспитанию подрастающего поколения. При этом, оберегая догматы, она стремилась всемерно сохранить и упрочить собственную школьную модель обучения, что объясняет ее принципиально негативное и враждебное отношение к новым явлениям в культуре. Кризис религиозного мировоззрения во второй половине XVII в. поставил церковь перед необходимостью реформирования.

Ее прежнее доминирование в сфере образования постепенно уходило в прошлое.

Социально-экономическое развитие российского государства, потребности и интересы общества вызвали объективную необходимость развития мирских практических знаний, интеграцию достижений малой промышленной революции западных стран, переживавших в тот период процесс первоначального накопления капитала (ПНК) и стоявших на пороге промышленного переворота. В конце XVII в. в Россию из-за границы приглашали образованных людей, привозили книги, проникала и распространялась западно-европейская мода. В недрах передовой части верхушки российской власти вызревали новые тенденции, определившие на рубеже XVIII в. высокую степень понимания необходимости осуществления широкого круга преобразований [6, с. 81–128].

Средневековая модель российского элементарного и начального образования, отражавшая свойственные той эпохе особенности социально-политических и экономических процессов, оставила в наследство России, вступающей в раннекапиталистические буржуазные отношения, внушительный сегмент неграмотной нации, у которой достаточно слабо было культивировано понимание жизненной необходимости обучения [4, с. 5]. Основная масса неграмотных была представлена многомиллионным крепостным населением. Этот признак значительно отягощал жизнь и других слоев общества. Средневековый традиционализм довлел над женщинами высших сословий, как правило, даже в семьях знати, они оставались неграмотными.

Новое время стало контрапунктом в отношениях церкви и государства по вопросу образования, обусловленным отчетливым проявлением светских элементов знания. В конце XVII в. в России заканчивается эпоха доминирования церковного, традиционного семейно-домашнего воспитания и обучения. В процессе обмирщения отечественного образования равно важными становятся внутренний национальный опыт и активное

взаимодействие с образовательными практиками других стран. Сущность дальнейшей просвещенческой политики и образования общества, структуру, механизм ее функционирования начинает определять государство.

Список используемой литературы:

1. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Государство и народное образование в России XVIII века. Ярославль. 1874. 230 с.
2. *История средних веков:* в 2 т. / Под ред. С.П. Карпова. М.: Изд-во МГУ: ИНФА. М. 1998. Т. 2. 680 с.
3. *Лаппо-Данилевский А.* Иноземцы в России в царствование Михаила Федоровича. Журнал Министерства народного просвещения, 1885. № IX. С. 89–94.
4. *Метаниев С.* Народное просвещение при Романовых / Кооперативное дело. 1918. № 2. С 4–15.
5. *Муравьев А.В., Сахаров А.М.* Очерки истории русской культуры IX–XVII вв. М.: Просвещение. 1984. 336 с.
6. *Слуховский М.И.* Библиотечное дело в России до XVIII века. М., 1968. 231 с.
7. *Ялозина Е.А.* Ретроспектива отечественного всеобуча. В 2-х книгах. Кн. 1. Истоки, генезис, государственная политика всеобуча (X – начало XX вв.). Ростов н/Д: Фонд науки и образования. 2015. 220 с.